

УДК 343.1
ББК 67.410.2

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

К. А. Синкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Д. А. Емельянова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Термин «уголовное преследование» встречается в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации более 150 раз, что свидетельствует о его важности с точки зрения использования правоприменителем. Однако его реализация может вызывать вопросы как теоретического, так и прикладного порядка в силу следующих причин: законодательное определение уголовного преследования трудно признать вполне ясным, а следовательно, и функциональным; в юридической литературе зачастую возникает путаница между определениями уголовного преследования и обвинения; некорректность процессуального статуса отдельных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. По мнению автора, уголовное преследование в современном уголовном судопроизводстве России осуществляется в рамках функции обвинения. Уголовным преследованием является предусмотренная уголовно-процессуальным законом деятельность специально уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, осуществляемая в целях установления виновности лица, совершившего общественно опасное деяние, для последующего вынесения справедливого приговора. Сущностью уголовного преследования является деятельность государственных органов и должностных лиц, направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также принятие в ходе этой деятельности уголовно-процессуальных решений. Уголовное преследование как уголовно-процессуальная функция должно быть независимым, безотносительным по отношению к обвинению или защите от обвинения.

Ключевые слова: правовая терминология, уголовное преследование, функции уголовного процесса.

ON THE NOTION AND THE ESSENCE OF FUNCTION OF THE CRIMINAL PROSECUTION IN THE CURRENT CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

K. A. Sinkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

D. A. Emelyanova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the analysis of the issue of the concept and essence of the functions of criminal prosecution. According to author's opinion criminal prosecution in the modern criminal proceedings in Russia is carried out in the function of prosecution. Criminal prosecution is an activity stipulated by the criminal procedure law for executive state body to carry out searching a person who has committed a crime for the subsequent a fair sentence. The essence of criminal prosecution consists of the activities of state bodies and officials aimed at establishing the circumstances to be proved in a criminal case as well as the adoption of criminal procedural decisions in the course of this activity.

Keywords: functions of the criminal court proceedings, notion of the criminal prosecution, functions of the criminal prosecution.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.8)

Исследование вопроса о понятии и сущности уголовного преследования в уголовном судопроизводстве полагаем целесообразным начать с уяснения того, что представляет собой уголовно-процессуальная функция.

Законодатель неоднократно использует термин «функция» в положениях УПК РФ. Так, например, в ч. 2 ст. 15 УПК РФ указывается на наличие в уголовном судопроизводстве функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а в п. 45 ст. 5 УПК РФ содержится указание на функции обвинения и защиты от обвинения. Таким образом, на первый взгляд, законодатель выразил «традиционный» подход к уголовно-процессуальным функциям [1, с. 94; 2, с. 224–225].

Отметим, что самого определения уголовно-процессуальной функции законодатель не дает, в связи с чем возникает необходимость прояснения данного вопроса.

В юридической литературе можно встретить различные, но в совокупности схожие определения уголовно-процессуальных функций. Так, например, по мнению С. И. Ильина, «под уголовно-процессуальными функциями следует понимать обусловленные и закрепленные за участниками процесса роли (обязанности), исполнение которых позволяет участникам во взаимодействии друг с другом обеспечить правильное разрешение вопроса об уголовной ответственности. Такие обязанности определяют направления деятельности участников процесса» [3, с. 7]. По мнению В. В. Колодко, под уголовно-процессуальной функцией понимаются специальное назначение и роль участников уголовного судопроизводства, выраженные в соответствующих направлениях деятельности и определяемые основными уголовно-процессуальными правами и обязанностями [4, с. 5–6]. Исходя из совокупности указанных позиций и анализа положений УПК РФ, полагаем, можно сделать вывод, согласно которому в рамках современной концепции уголовного судопроизводства выделяется четыре основные функции: разрешения дела, обвинения, защиты от обвинения и вспомогательно-обеспечительной функции. Аналогичного мнения придерживается и Е. В. Шишкина [5, с. 6–7].

Таким образом, мы видим, что так или иначе функции участников уголовного судопроизводства выражаются в направлениях деятельности, обусловленных их субъективными правами и юридическими обязанностями, реализуемыми в целях обеспечения их интересов.

Проведенное нами анкетирование дознавателей различных ведомств и работников прокуратуры показало, что 60 % под уголовно-процессуальной функцией понимают направление деятельности, в то время как остальные 40 % полагают, что это круг полномочий и обязанностей органов, осуществляющих уголовное преследование.

Помимо трех основных уголовно-процессуальных функций, указанных в ч. 1 ст. 15 УПК РФ, законодатель в иных нормах указал и другие функции, без реализации которых невозможно обеспечение назначения уголовного судопроизводства. Так, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор осуществляет функции уголовного преследования и прокурорского надзора. Анализ двух указанных положений (ч. 1 ст. 15 УПК РФ и ч. 1 ст. 37 УПК РФ) не позволяет сделать однозначного вывода относительно соотношения таких категорий, как обвинение и уголовное преследование. На наш взгляд, обвинение как функция уголовного процесса шире, чем уголовное преследование. Свидетельством тому могут являться результаты системного толкования норм УПК РФ, согласно которому все участники в гл. 6 УПК РФ объединены под названием «участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», а в рамках обвинения формируются ответвления: уголовное преследование (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), предварительное следствие (ч. 1 ст. 38 УПК РФ), дознание (п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ), производство неотложных следственных действий (п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ) и т.д.

По нашему мнению, отождествление функций обвинения и уголовного преследования является неоправданным.

Определения функций обвинения и защиты в УПК РФ отсутствуют. Несмотря на то что в п. 22 ст. 5 УПК РФ указывается на то, что обвинение представляет собой утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установлен-

ном УПК РФ, мы все же полагаем, что данное определение не выражает уголовно-процессуальную функцию по следующим причинам. Во-первых, сам законодатель определил обвинение как утверждение; во-вторых, обвинение здесь не выступает как деятельность специально уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц. Здесь, полагаем, обвинение выступает в ином контексте, позволяющем рассматривать его как некий предварительный этап, констатирующий вину лица, а также предварительные итоги деятельности по изобличению лица в совершении преступления. Определение защиты в УПК РФ отсутствует. Очевидно, законодатель рассчитывал на то, что данный термин необходимо в рамках уголовно-процессуальной деятельности понимать в общеупотребительном смысле.

В отличие от функций обвинения и защиты в УПК РФ в п. 55 ст. 5 приведено определение «уголовное преследование», под которым понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Несмотря на, казалось бы, достаточно краткую и вполне понятную дефиницию, вместе с тем не совсем ясно из определения, что означает термин «изобличение». Тем более что его определения в УПК РФ нет. Согласно Словарю русского языка «изобличить» означает обнаружить в ком-нибудь что-нибудь предосудительное, уличить в чем-нибудь. Например, изобличить взяточника [6, с. 217].

Отсутствие ясности определения, данного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ, отмечает и Р. В. Мазюк. В частности, он замечает, что «в нем в качестве цели процессуальной деятельности указано понятие, которое само по себе требует определения» [7, с. 15], имея в виду «изобличение». Далее он указывает на то, что «анализ общеупотребительного и юридического значений понятия „изобличение“ позволяет заключить, что в законодательном определении уголовного преследования оно используется как тождественное понятию „установление виновности“» [7, с. 15]. Что касается смыслового содержания понятия «изобличение», то, полагаем, Р. В. Мазюк несколько некорректно высказался относительно его общеупотребительного и юридического значения. Так, с точки зрения грамматического толкования норм права для уяснения смысла понятия, используемого в нормативном правовом акте, целесообразно сначала обратиться к самому нормативному акту с целью отыскания необходимой нормы-дефиниции. Понятие «изобличение» в УПК РФ отсутствует.

Следующий шаг — обращение к толковому словарю, что мы и сделали несколько выше. Однако отметим, что определение, закрепленное в толковом Словаре русского языка, не является общеупотребительным, так как общеупотребительным, на наш взгляд, является то понятие, которое используется большинством населения — носителя языка. Обращаться к общеупотребительному смыслу слова требуется тогда, когда в толковом словаре искомое понятие так же, как и в самом нормативном правовом акте, отсутствует. Таким образом, становится очевидно, что ни юридического (определение в самом нормативном правовом акте), ни общеупотребительного смыслов понятия «изобличение» не требуется: его смысл выводится из того, что зафиксировано в толковом Словаре русского языка.

Когда Р. В. Мазюк говорит о юридическом понятии «изобличение», полагаем, он имеет в виду тот смысл, который выводится из употребления этого термина в тексте УПК РФ. Хотя, на наш взгляд, и это сделать достаточно сложно в силу того, что законодатель применил в шести случаях из восьми конструкцию, содержащую одновременно понятия и «изобличение», и «уголовное преследование» (ч. 2 ст. 317.1, п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). Некоторое логическое затруднение, как представляется, состоит в том, что термин «изобличение» является частью определения «уголовное преследование» и в названных положениях он вновь употребляется, но уже самостоятельно. Вместе с тем согласимся, что «изобличение» в уголовном процессе может пониматься в смысле «установление виновности» [7, с. 15].

Установление определения «уголовное преследование» требует дальнейшего рассмотрения в связи с тем, что, думается, законодатель дал не совсем логическое и завершенное определение.

По мнению Г. Н. Королева, уголовное преследование, осуществляемое прокурором, является не просто уголовным преследованием, а «прокурорским уголовным преследованием», словно законодатель где-либо в УПК РФ зафиксировал данное сочетание слов. Более того, из автореферата на соискание ученой степени доктора юридических наук видно, как соискатель вольно обращается с категорией «уголовное преследование»: то оно употребляется как «уголовное преследование, осуществляемое прокурором», то вдруг становится «прокурорским уголовным преследованием» [8, с. 34–35].

Из положений, выносимых на защиту, следует, что «прокурорское уголовное преследование, будучи видом должностного уголовного преследования, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность прокурора, направленную на раскрытие преступления, на подготовку обоснованного уголовного иска и на изобличение перед судом лица, виновного в его совершении, для того чтобы оно могло быть подвергнуто установленному в уголовном законе наказанию» [8, с. 12].

По мнению А. Н. Васильева, под раскрытием преступления принято понимать лишь обнаружение преступления и установление виновных [9, с. 4], что приводит нас к мысли о том, что применительно к деятельности прокурора неуместно говорить о раскрытии им преступлений по следующим причинам. Во-первых, в ходе предварительного расследования зачастую установление виновных непосредственно прокурором не осуществляется. Полагаем, что он может это делать эпизодически по отдельным делам, расследование по которым осуществляется в форме дознания. Во-вторых, как думается, это основной фактор — прокурор не занимается обнаружением преступлений в рамках уголовного судопроизводства. Он вполне может это делать в рамках прокурорского надзора, осуществляемого в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [10] (далее по тексту — Закон «О прокуратуре»). Установив в ходе прокурорской проверки признаки преступления, он составляет об этом постановление и направляет его с материалами в соответствующий орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Что касается подготовки обоснованного уголовного иска, употребляемой Г. Н. Королевым в данном им определении, то, как представляется, и эта деятельность *de facto* преимущественно реализуется органами расследования. Более того, сам соискатель подвел нас к мысли, что прокурор в досудебном производстве в настоящее время лишен возможности осуществлять уголовное преследование. Так, автор отмечает: «Досудебное прокурорское уголовное преследование, согласно действующему законодательству, осуществляется в форме расследования преступлений и включает в себя: проверку оснований для возбуждения уголовного дела, производство дознания и проведение предварительного следствия» [8, с. 12–13]. В действующей редакции прокурор не осуществляет эту деятельность и, следовательно, логично из этого вытекает, что он не осуществляет уголовное преследование. Такой вывод противоречит ч. 1 ст. 37 УПК РФ, где однозначно законодателем заявлено, что прокурор осуществляет уголовное преследование. В этой связи думается, что определение, данное Г. Н. Королевым, несостоятельно.

В. В. Яковенко полагает, что «уголовное преследование — стержневая функция российской прокуратуры, представляющая собой одно из основных направлений ее деятельности, осуществляемой от имени государства на основе принципов публичности и состязательности и имеющей целью изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и назначение ему справедливого наказания» [11, с. 10]. Мы не можем во всем согласиться с приведенным определением. Так, в частности, автор заявляет, что уголовное преследование является «стержневой» функцией российской прокуратуры. В данном отношении, во-первых, не совсем ясно, что автор понимает под этим термином — «стержневой»? Согласно же Закону «О прокуратуре» основная функция прокуратуры Российской Федерации — прокурорский надзор. Более того, именно с целью надзора она и была учреждена в 1722 г.

Помимо отмеченных, автор, как нам видится, допустил еще одну логическую неточность. Так, он сначала указывает на то, что уголовное преследование — это функция, а затем говорит, что уголовное преследование представляет собой одно из основных направлений деятельности прокуратуры. По сути функции участников уголовного судопроизводства это и есть направления их деятельности. Таким образом, В. В. Яковенко повторяется, указывая на то, что уголовное преследование — это и «функция российской прокуратуры», и «одно из основных направлений ее деятельности».

Также вызывает нарекание тезис автора о том, что данное направление деятельности прокуратуры осуществляется лишь на основе двух принципов: публичности и состязательности. Возникает вопрос: почему были выбраны именно эти два принципа? С точки зрения классификации принципов полагаем, что данные принципы относятся к судопроизводственным. А если быть более точными, то это принципы уголовного судопроизводства: правовая основа первого из названных принципов содержится в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, второго — в ст. 15 УПК РФ. Таким образом, возникает ряд вопросов. Например, почему автор определения не указал на необходимость следовать принципу законности?

Разве не важно в ходе уголовного преследования учитывать принцип презумпции невиновности? На значение уголовного судопроизводства не играет роли в уголовном преследовании? Тем более что положение об уголовном преследовании и отказе от него содержится в ч. 2 ст. 6 УПК РФ. На наш взгляд, при осуществлении уголовного преследования необходимо учитывать все принципы уголовного судопроизводства и, следовательно, выделять в определении какие-либо из них было нецелесообразно. Отчасти нашу точку зрения подтверждает А. Ф. Кучин, утверждающий, что «для механизма уголовного преследования первоочередное значение имеют принципы публичности, диспозитивности, законности, целесообразности, презумпции невиновности, разделения процессуальных функций и равенства прав стороны обвинения и стороны защиты в деле» [12, с. 13–14].

Следующая часть определения В. В. Яковенко повторяет законодательное в той его части, которая касается цели уголовного преследования — изобличения подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Об «изобличении» мы писали выше и здесь не видим необходимости в том, чтобы повторять изложенное. Что же касается заключительного тезиса о назначении виновному справедливому наказанию, то, полагаем, он вполне соответствует не только назначению уголовного судопроизводства, но и духу уголовного закона.

Несколько схожее определение с рассматриваемым дает С. И. Ильин: «Уголовное преследование представляет собой предусмотренную уголовно-процессуальным законом обязанность органов уголовного преследования (прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, дознавателя), а также частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя, гражданского истца и его представителя осуществлять деятельность, направленную на установление события общественно опасного деяния и изобличение лица, его совершившего, с тем чтобы создать предпосылки для возложения уголовной ответственности на лицо, совершившее общественно опасное деяние» [3, с. 7].

Данное высказывание представляется нам спорным вследствие того, что потерпевший, как, впрочем, и частный обвинитель может отказаться от уголовного преследования даже в том случае, когда все обстоятельства указывают на виновность подозреваемого (обвиняемого). В этом случае согласно механизму правового регулирования в отношении потерпевшего необходимо применить санкцию за неисполнение юридической обязанности. Однако уголовно-процессуальные нормы не содержат ответственность за отказ потерпевшего от уголовного преследования. Скорее, наоборот, законодатель предусмотрел возможность прекращения уголовного преследования по инициативе потерпевшего (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), а в случае примирения последнего с обвиняемым — возможность прекращения уголовного дела государственными органами и должностными лицами (ст. 25 УПК РФ), а прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования (ч. 3 ст. 24 УПК РФ).

Сказанное относится и к определению, выработанному К. А. Бабиным: уголовное преследование — это деятельность, осуществляемая прокурором и другими субъектами со стороны обвинения с целью изобличения на основе собранных доказательств обвиняемого в совершении преступления как в суде, так и в досудебный период [13, с. 13].

Е. В. Шишкина дает следующее определение: «Уголовное преследование — это процессуальный институт, объединяющий комплекс взаимодействующих уголовно-процессуальных и иных правовых норм, регламентирующих процессуальный статус субъектов уголовного преследования, потерпевших, частных обвинителей и их представителей, а также их деятельность, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в совершении преступления в целях последующего вынесения судом справедливого приговора в отношении признанного виновным лица при неизменном соблюдении прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства» [5, с. 7]. Новым в сравнении с предыдущими в данном определении является указание на то, что уголовное преследование представляет собой уголовно-процессуальный институт, регламентирующий процессуальный статус субъектов уголовного преследования.

На правовой статус, на котором основано уголовное преследование, также указывает В. Ф. Крюков, который дал определение уголовного преследования применительно к деятельности прокурора. Так, по его мнению, «осуществляемое прокурором уголовное преследование — это основанная на его правовом статусе процессуальная деятельность, обусловленная требованиями системного единства норм п. 31, 55 ст. 5, ст. 21 УПК РФ и ч. 2 ст. 1 Федерального закона о прокуратуре по установлению

события преступления, изобличению лиц, виновных в их совершении» [14, с. 10]. По сути, в приведенном определении присутствуют уже рассмотренные признаки: правовой статус участников; уголовное преследование как деятельность; изобличение виновного лица. Несмотря на его краткость, данное определение вполне может быть рабочим.

Полагаем, необходимо привести собственное определение уголовного преследования. Уголовное преследование — это предусмотренная уголовно-процессуальным законом деятельность специально уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, осуществляемая посредством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, по уголовному делу в целях последующего вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Переходя к вопросу о сущности уголовного преследования, приведем мнение Г. Н. Королева, согласно которому «сущность досудебного уголовного преследования, осуществляемого прокурором, состоит в доказывании им события преступления как непосредственно, так и с помощью должностных лиц органов предварительного расследования, в рамках процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом, в целях изобличения лица, виновного в его совершении, и в подготовке обоснованного обвинения (уголовного иска)» [8, с. 13]. Полагаем, что не все положения такого подхода в настоящее время являются актуальными. Так, например, прокурор, на наш взгляд, в настоящее время не осуществляет доказывание в досудебном производстве непосредственно.

Достаточной детальностью отличается высказывание Р. Р. Юлдошева, согласно которому сущность уголовного преследования «заключается в процессуальной деятельности, осуществляемой государственными органами (органами дознания), должностными лицами (следователем, дознавателем, прокурором), которая направлена на возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, принятие решений о выдвижении подозрения, формулирование и предъявление обвинения данному лицу, избрание и применение мер пресечения, производство следственных действий, составление обвинительного заключения, утверждение прокурором обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд» [15, с. 14–15]. В целом согласимся с приведенным высказыванием. Однако полагаем, что раскрывать отдельно все процессуальные действия и решения необходимости нет.

На наш взгляд, сущность уголовного преследования состоит в уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой государственными органами и должностными лицами, направленной на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также принятии в ходе этой деятельности уголовно-процессуальных решений.

Таким образом, уголовное преследование в современном уголовном судопроизводстве России осуществляется в рамках функции обвинения. Вместе с тем полагаем, уголовное преследование как уголовно-процессуальная функция должно быть независимым: безотносительным по отношению к обвинению или защите от обвинения.

Уголовным преследованием является предусмотренная уголовно-процессуальным законом деятельность специально уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, осуществляемая в целях установления виновности лица, совершившего общественно опасное деяние, для последующего вынесения справедливого приговора.

Сущностью уголовного преследования является деятельность государственных органов и должностных лиц, направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также принятие в ходе этой деятельности уголовно-процессуальных решений. Уголовное преследование осуществляется на основе принципов уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. 94 с.
2. Берова Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 224–225.
3. Ильин С. И. Уголовное преследование в досудебном производстве : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7.
4. Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 5–6.

5. Шишкина Е. В. Институт уголовного преследования : автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 6–7.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1982. С. 217.
7. Мазюк Р. В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве : автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 15.
8. Королев Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 34–35.
9. Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962. С. 4.
10. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202–1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. ст. 4472.
11. Яковенко В. В. Уголовное преследование и роль прокурора в его осуществлении : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.
12. Кучин А. Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 13–14.
13. Бабин К. А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 13.
14. Крюков В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 10.
15. Юлдошев Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14–15.

УДК 347.6
ББК 67.404.5

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Т. А. Филиппова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Е. П. Титаренко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

А. Д. Дархамбаева

Евразийская юридическая академия им. Д. А. Кунаева (Алматы, Казахстан)

Рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся места семейно-правовых соглашений в классификации юридических фактов. Авторы выносят на обсуждение вопрос о правовой природе семейно-правового соглашения. В статье представлена антология юридической мысли о семейных правоотношениях советского периода, а также краткая ретроспектива ее развития в последние 20 лет. Авторы определяют семейное право как самостоятельную правовую отрасль с присущими ей особенностями, которые предопределяют и особые качества семейно-правовых соглашений, не позволяющих их отождествлять с гражданско-правовыми договорами. Предлагается отказаться от применения норм гражданского законодательства при регулировании семейных соглашений.

Ключевые слова: семейное право, соглашение, договор, сделка, юридический факт.